

Леонид Генрихович был доволен, когда диссертация удалась и была защищена. Я получила много лестных слов в свой адрес. А познакомившись с моей мамой, уже на банкете он настаивал, что мне нужно идти дальше. Он был горд, ведь уже однажды давал эту тему дочери своей коллеги; но работа не состоялась. А когда я выпустила монографию, профессор попросил несколько экземпляров, чтобы подарить друзьям, которых у него было множество.

Летом, когда мама приехала в гости, мы пригласили профессора в ресторан. Леонид Генрихович заказал свой излюбленный грибной суп и томатный сок. Он был очень скромен и умел ценить простые вещи. С мамой с тех пор у них завязались очень теплые отношения. Он передавал ей приветы, говоря о ней лишь «милая», «очаровательная», «прелестная». Он знал толк в женской красоте и умел увлекаться.

Через две недели после трагической смерти Леонида Генриховича, отдыхая в Миргороде, мама случайно открыла «Радугу» и наткнулась на его статью: Л.Г. Фризман «В литературных кругах», где он вспоминал одного своего приятеля, который умер в пруду во время купания. Она сразу же мне позвонила, говоря, что, читая, слышала голос Леонида Генриховича. А тут еще такая совершенно гоголевская мистика со смертью, тоже в воде.

Леонид Генрихович ушел в вечное плаванье – вода всегда была его стихией. Он ходил в бассейн каждый день и в августовский сезон улетал на пару месяцев в Турцию.

Уходит поколение 30-х годов. Два года назад ушел мой дедушка, Леонид, подполковник в отставке; ушел учитель Леонид Генрихович. Уходит поколение львов, способных сражаться и побеждать.

Мне до сих пор кажется, что Леонид Генрихович все еще живет в своей старинной квартире с натертым мастикой паркетом и полками книг до потолка в четыре стены; на станции метро с таким символическим названием – «Пушкинская». И всякий раз, когда я бегу за французскими булочками через дорогу от его дома, мне кажется, что я его встречу и он по своему обыкновению начнет меня обнимать. И иногда я останавливаюсь, чтобы заглянуть в тот дворик, где я так часто бывала, принося свои первые рукописи, и всматриваюсь в длинные французские окна, заслоненные деревьями, выдавшими не одну эпоху. А затем понимаю: ах, его окна были же совсем с другой стороны.

ФОРМУВАННЯ ПИТАННЯ ГЛОТОГЕНЕЗУ У ФІЛОСОФІЇ ТА ЛІНГВІСТИЦІ

Стаценко О.М. (Суми)

Людство, починаючи з часів античності, шукає відповіді на питання про походження мови в теоріях про «правильність іменувань», а також у двох антагоністичних напрямках: «фесей» і «тесей». Перша з яких вже відстоювала біологічний, природний характер мови, а друга стверджувала свідомий, артифіціальний

характер її появи в соціумі.

З початку XVIII століття позначився істотний науково-філософський прорив у проблемі походження мови (Ж. Ж. Руссо, І. Г. Гаман, І. Г. Гердер). А саме, зацікавленість до з'ясування співвідношення між мисленням людини і мовою, яка послугувала знаряддям для створення людської думки, що неминуче спонукало вчених до досліджень природи мови. Значущою є робота німецького філософа І. Г. Гердера «Трактат про походження мови», у якій він говорить про антропоцентричний принцип виникнення мови. Вчений так пояснює створення мовної звукової системи: «Мова з'явилася як результат угоди, яку душа укладала сама з собою, і ця угода була настільки ж неминучою, як і те, що людина була людиною» [цит. по Амірова 2005: 294 (пер. наш – О. С.)]. Відчуваючи внутрішню потребу проявити глибинну людську природу, індивідуум створює звукову мову як знаряддя для задоволення своїх афіліцій.

Підсумком розвитку теоретичних досліджень у даній царині стала концепція В. фон Гумбольдта, основоположника теоретичного мовознавства, якому вдалося встановити зв'язок між мовою і мисленням. Згідно концепції, мовні здібності, закладені в мисленні, і є сутнісною специфікою людини, а мова – «інтелектуальний інстинкт». Таким чином, вчення В. фон Гумбольдта розставило певні віхи в лінгвістиці, дозволивши вперше в аспектах антропоцентризму визначити напрямки вирішення питання про людську цілісність, що є уособленням триєдиної формули: людина – мова – мислення.

Література

1. Амірова Т.А., Ольховіков Б.А., Рождественський Ю.В. Історія мовознавства. Москва, 2005. 672 с.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Степанченко И.И. (Харьков)

В последнее время понятие лингвистический анализ художественного текста все чаще заменяется в исследовательских работах понятием филологический (синтетический) анализ, если, разумеется, речь идет об анализе языкового аспекта формы произведения, а не об использовании текстовых единиц как материала для иллюстрации внутриязыковых закономерностей, не связанных с содержанием текста. Проблема разграничения видов анализа определяется сложностью и неоднозначностью решения методологической проблемы разграничения языкового и неязыкового аспектов содержания текста.

Крайние противоположные взгляды на эту проблему сводятся к следующим: 1) содержание произведения локализовано в языке, и анализ текста представляет собой анализ языковых форм (при таком подходе